

Параноидальный стиль в российской политике

Илья Будрайтскис

Шнирельман В. Удерживающий.

От Апокалипсиса к конспирологии. М., СПб.:
Нестор-История, 2022. 422 с.

VERSUS

В НАЧАЛЕ 1960-х Ричард Хофштадтер опубликовал эссе «Параноидальный стиль в американской политике»¹, ставшее впоследствии классическим текстом о месте и значении конспирологии в жизни западных обществ. Конспирологическая социальная паранойя в отличие от индивидуальной одержимости, как утверждал Хофштадтер, не является медицинским диагнозом — ведь те, кто ее распространяет, не видят в заговоре угрозы лично для себя. Напротив, конспиролог принимает роль эксперта и предлагает аудитории как бы незаинтересованный рациональный анализ того, как скрытые силы пытаются реализовать свой план по уничтожению культуры и моральных основ нации. Убедительность всякой «теории заговора», таким образом, прямо зависит от того, насколько она оказывается способной представить себя не в качестве эмоциональной проповеди, но наоборот — чистого знания, научного метода, собирающего разрозненные факты в общую пугающую картину реальности.

Правая конспирология, которую описывали Хофштадтер и другие западные исследователи, была альтернативным знанием, которое пытались оспорить и подорвать конвенциональное научное знание. Но что происходит, когда теории заговора преподают в университетах и пронизывают аналитику, на основании которой принимаются государственные решения? Или, иными словами, когда конспирология, из формы параноидальной критики существующего положения вещей превращается в доминирующее описание реальности? Именно такую уникальную ситуацию «конспирологии сверху» мы наблюдаем в России последнего десятилетия. Пользуясь известной классификацией Карла Мангейма, можно сказать, что конспирология занимает место «тотальной идеологии» как типа мышления правящих групп, который составляет исчерпывающую картину реального². В этом контексте «Удерживающий» Виктора Шнирельмана представляет не просто исключительно качественное исследование российской конспирологической сцены, но и фиксирует ее уникальную структурную роль.

Как и в своих предыдущих работах, сосредоточенных на влиятельных историко-политических мифах современ-

1. *Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics, and Other Essays.* N.Y.: Knopf, 1965.

2. *Мангейм К. Избранное. Диагноз нашего времени.* М.: Юристъ, 1994.

ной России³, в своей новой книге Шнирельман сосредоточивается на определяющем нарративе, вокруг которого выстраивается бесконечное множество конспирологических текстов. Это идея «удерживающего», России как мессианского препятствия на пути зловещего плана мирового господства, который пытается реализовать секретная глобальная элита. В отличие от теорий «микро»-заговоров, раскрывающих тайную подоплеку того или иного отдельного события, объектом исследования здесь является теория «суперзаговора», претендующая на обнаружение скрытой пружины, запускающей исторические процессы в целом.

Само понятие «удерживающего», как известно, восходит ко 2-му посланию к Фессалоникийцам апостола Павла: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7). Смысл этой фразы до сих пор остается предметом теологических дискуссий⁴, однако в православной традиции принято понимать ее в интерпретации Иоанна Златоуста: государство (то есть Римская империя, а затем ее христианские наследники) сдерживает наступление антихриста и тем самым обретает сакральный статус. Империя создает пространство распространения благой вести и таким образом дает возможность спасения в Церкви перед наступлением «последних времен». Идея «катехона» как оправдания высшей, божественной необходимости имперской власти предшествовала рациональному государству Нового времени. Тем не менее в Российской империи сакральная легитимация государства как «удерживающей силы» (от революционной угрозы и западного либерализма) сохраняла свое центральное значение для консервативной мысли (от Победоносцева и Иоанна Кронштадтского до Василия Розанова и Льва Тихомирова). Как чрезвычайно убедительно показывает Виктор Шнирельман, этот реакционный эсхатологический мотив переживает невероятный ренессанс в современной России, интегрируя разнообразные теории заговора, порожденные фрустрацией от коллапса СССР.

Не подвергая сомнению эту концепцию и восхищаясь масштабной работой автора по каталогизации новейшей

3. См.: Шнирельман В. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Geshtarim, 2012; Он же. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

4. Peerbolte L. The κατέχων/κατέχων of 2 Thess. 2:6–7 // *Novum Testamentum*. 1997. Vol. 39. P. 138–150.

русской конспирологии, хочется выразить сомнение в справедливости его стремления отождествить консервативную идею «катехона» и распространение антисемитизма с эсхатологией в целом. Безусловно, «конспирология и апокалиптика тесно связаны друг с другом: первая описывает зло, а вторая рассказывает о том, как оно будет побеждено»⁵, а ранние конспирологи видели в евреях «грядущего антихриста» и угрозу «упразднения христианства». В то же время, для многих теорий заговора остается характерен крайний пессимизм, а тайной власти элит они противопоставляют образ не желаемого будущего (то есть грядущего Царства Божьего, без чего невозможна эсхатология), но утраченного прошлого (монархии, традиционного общества и т. д.). Напротив, эсхатологические ожидания «новой земли и новых небес» вдохновляли большинство освободительных движений народных низов в Средние века и раннее Новое время. Кроме того, сама христианская эсхатология (и в прежде всего, Откровение Иоанна Богослова) была генеалогически связана с иудейской пророческой традицией⁶ и далеко не всегда рассматривала евреев как врагов.

Второй спорный момент связан с самим объяснением природы конспирологии. Шнирельман определяет теории заговора как попытку «протащить и сохранить религиозные догмы в эпоху разума»⁷. Таким образом, конспирология представляет лишь пережиток, рецидив домодерного сознания, который предположительно может быть преодолен благодаря распространению рационального научного знания. Однако конспирология, пусть и использующая религиозные образы, сама является продуктом секуляризации, в своем современном виде появившись как реакция на Французскую революцию и распад предшествующей цельной христианской картины мира. Сама рамка господствующего «секулярного», в которое встраивается «религиозное», была объектом критики множества авторов, начиная с Карла Шмитта с его идеей «политической теологии», до Джона Милбанка или Талала Асада⁸. Эти различные ли-

5. Шнирельман В. Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М., СПб.: Нестор-История, 2022. С. 20.

6. Taubes J. Occidental Eschatology. Stanford: Stanford University Press, 2009.

7. Шнирельман В. Удерживающий. С. 18.

8. Шмитт К. Политическая теология. М.: Кучково поле, 2000; Milbank J. Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason. Oxford: Blackwell, 2006; Acad T. Возникновение секулярного. Христианство, ислам, модернизм. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

нии критики указывали на то, что сам концепт «секулярного» (как научной рациональности) является результатом изобретения и во многом опирается на домодерные формы сознания. Более того, как показывает в своей важной работе «Тайны и заговоры» (которая цитируется и в «Удерживающем»)⁹ социолог Люк Болтански, оптика подозрения свойственна самой структуре сознания современного человека, а теории заговора парадоксальным образом могут сближаться с методами социальных наук. Теории заговора остаются «темной стороной» Просвещения, и их систематическое изучение (в которое книга Шнирельмана, безусловно, вносит значительный вклад) способно расширить представление о нашей собственной многомерной современности и, возможно, переосмыслить основания для исторического оптимизма.

Постсоветская конспирология, как показывает Шнирельман, является продуктом синтеза западной ультраправой мысли, русской дореволюционной традиции теорий еврейского и масонского заговоров, а также позднесоветской «антисионистской» сцены. При этом сами европейские конспирологи испытали влияние русской антисемитской конспирологии, и в первую очередь, «Протоколов сионских мудрецов» (эта связь раскрывается в первой главе «Удерживающего», посвященной взглядам британской конспирологической публицистки Нэсте Уэбстер). В своем впечатляющем обзоре западной конспирологии Шнирельман демонстрирует, как множество авторов, неявно ссылаясь друг на друга и используя повторяющиеся ходы мысли, создают масштабную картину глобального заговора, направленного «против Бога и человека»¹⁰. Цель этого заговора — установление «нового мирового порядка», в котором через исчезновение традиций и религии утверждается диктатура скрытой элиты. Образ этой элиты в конспирологической традиции постоянно менялся — от масонов и тайных обществ (иллюминатов и тамплиеров) в XIX веке, коммунистов в период холодной войны и, наконец, прообраза мирового правительства в виде международных финансовых институтов (и стоящих за ними групп, вроде Трехсторонней комиссии или Бильдербергского клуба). Однако структура конспирологической мысли в целом сохраняла секуляризи-

9. Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019.

10. Шнирельман В. Удерживающий. С. 59.

рованные черты антихриста — ложного царства тотального контроля, в котором обещание свободы и равенства скрывает жесточайшее рабство, унификацию и утрату подлинной свободы индивидуального выбора между добром и злом, а также подменяет неповторимую личность учетной единицей в системе всеобщего распределения (то есть помечает каждого «числом зверя»). Такая антихристианская власть требует полного сосредоточения в своих руках всех материальных ресурсов и в конспирологической мифологии может легко отождествляться как с плановой экономикой, так и с господством финансового капитала. Эти консервативно-христианские основания теории заговора в западной конспирологии Шнирельман последовательно выявляет у таких авторов, как Энтони Саттон и Джон Коулман, чьи книги впоследствии были переведены на русский и оказали большое влияние на отечественных конспирологов.

Эсхатологический мотив явно присутствует и в такой специфической отрасли послевоенной западноевропейской конспирологии, как оккультный нацизм (в свое время вдохновивший Александра Дугина и Юрия Воробьевского на создание цикла программ «Тайны века» на российском телевидении). В основе этой концепции лежит идея о том, что немецкий СС являлся тайным мистическим обществом, целью которого было спасение мира от вырождения и энтропии. С 1960-х интерес к нацистской мистике распространялся как благодаря паранаучной литературе, вроде «Утра магов» Луи Повеля, так и усилиями сознательных неонацистов — таких, как Савитри Дэви или Мигель Серрано. В центре историософской модели чилийского неонацистского писателя Серрано находилась фигура Гитлера как спасителя и жертвы, который неизбежно вернется и завершит начатое великое дело. Здесь, как и у других адептов оккультного гитлеризма, действительно можно увидеть миллениаристские мотивы. Однако куда более очевидной — по крайней мере, в случае Серрано — была антихристианская и манихейская линия¹¹.

Третья глава «Удерживающего», которая составляет основную часть книги, посвящена детальному анализу российской конспирологической традиции и открывается подробным обзором дореволюционных авторов. В их текстах часто смешивались мотивы тайной роли масонских обществ

11. Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism, and the Politics of Identity. N.Y.: New York University Press, 2001.

и еврейского заговора как орудия грядущего антихриста (например, у черносотенца Алексея Шмакова и православно-го реакционера Льва Тихомирова). Эти идеи впоследствии войдут в арсенал постсоветской конспирологической литературы, равно как и миф о ритуальном убийстве иудеями Николая II. Шнирельман отдельно останавливается на этом сюжете, так как последний император занимает особое место в конспирологической литературе как «удерживающий», ставший жертвой врагов Христа и России. Реконструируя рождение этого мифа, автор находит его корни у генерала Дитерихса, курировавшего расследование расстрела царской семьи при правительстве Колчака времен Гражданской войны.

Если дореволюционные черносотенные теории заговоров составляют первый важный источник современной российской конспирологии, то второй Шнирельман обоснованно обнаруживает в позднесоветской «русской партии» — консервативно-националистической сети писателей и публицистов, группировавшихся вокруг журнала «Молодая гвардия», а также профессиональных «борцов с сионизмом». Последние, вроде Юрия Иванова или Валерия Емельянова, в своих книгах выходили далеко за пределы официальной линии критики израильского государства и фактически понимали сионизм как синоним всемирного еврейского заговора. Советский Союз в этих разнообразных конспирологических трактовках также понимался как своего рода секулярный «удерживающий» мир от сионизма, претендующего на глобальное господство при помощи пропаганды космополитизма и нравственного разложения советского общества.

Несмотря на растущее влияние теорий заговора в государственном аппарате (и особенно силовых структурах) позднего СССР, по-настоящему массовое распространение конспирология получает именно в постсоветский период. Как отмечает Шнирельман, «мощный толчок конспирологии дало крушение марксистской объяснительной парадигмы», которая оказалась бессильна перед крахом СССР. Социальная травма начала 1990-х «смягчалась при перенесении ее причин вовне, что снимало вину с самого общества и позволяло искать врага-чужака»¹². Таким образом, конспирология (в ее эсхатологическом варианте как «суперзаговора») стала своеобразной квазирелигией, предлагавшей

12. Шнирельман В. Удерживающий. С. 122.

не только завершенную (пусть и пессимистическую) картину мира, но также прощение и утешение. Исключительную роль в создании синтеза этих двух конспирологических традиций — православной монархической эсхатологии и позднесоветского антисемитского национал-сталинизма — сыграл митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев), анализу взглядов которого в «Удерживающем» уделяется большое внимание.

В 2000-е годы теории заговора меняют структурную позицию, превращаясь из патриотического оппозиционного дискурса в мейнстрим, востребованный в том числе и государственной элитой. Особое место в этом процессе занимает творчество Александра Дугина, не столько пропагандировавшего конкретные теории заговора, сколько концептуально легитимировавшего конспирологию как метод познания. Так, в своей книге «Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне)», изданной в 2005 году, Дугин утверждал, что сама интуиция всякой конспирологии является верной, поскольку стремится раскрыть «сакральные истины» и соответствует «аутентичной традиции». Дугин вписывает конспирологию в парадигму традиционализма (в духе Рене Генона, Юлиуса Эволи и их неонацистских эпигонов, вроде упомянутого выше Мигеля Серрано), метод которой «основан на неизменных «метафизических догмах» и «врожденных психоментальных установках», которым «не требуется никаких эмпирических исследований»¹³. Подобная эпистемология, основанная на истинности бессознательно воспроизводимых установок в рамках партикулярных культурных «архетипов», полностью соответствует конспирологии как методу: например, нет нужды доказывать сфальсифицированный характер «Протоколов сионских мудрецов», так как их содержание в любом случае отражает «архетип» иудейского сознания. Стоит заметить, что этот метод — выявления скрытых неизменных структур национальных «логосов» — Дугин разворачивает в своем монументальном труде «Ноомахия» (каждый том которой посвящен отдельным «логосам» — русскому, французскому, иранскому и т. д.). Как убедительно показывает Шнирельман, Дугин создает «идеологический бриколаж» ультраправых идей, элементы которого в популяризированном виде затем интегрировались широкой конспирологической средой. Стоит вспомнить, что само поня-

13. Там же. С. 169.

тие «катехона» — в смысле России, «удерживающей» мир от господства западного либерализма, — в последние годы наиболее активно пропагандировалось близким к Дугину телеканалом «Царьград».

Эсхатологической конспирологией пронизаны и романы писателя и многолетнего издателя ультраправой газеты «Завтра» Александра Проханова. Так, в «Господине Гексогене» момент российской истории накануне прихода к власти Владимира Путина рассматривается как провалившаяся попытка установления еврейскими олигархами нового «Хазарского каганата» во главе с антихристом. Шнирельман также останавливается на недавнем романе Проханова «Цифра», где речь идет о борьбе «цивилизации Слова и совести с цивилизацией цифры и расчета» (предсказуемо также связанной с евреями)¹⁴.

В своей масштабной картографии современной российской конспирологии Виктор Шнирельман также предпринимает попытку ее политической классификации по шкале правые/левые. К условно «левым» конспирологам здесь отнесены лидер КПРФ Геннадий Зюганов (чьи тексты подробно разбираются в «Удерживающем») и близкие к нему национал-патриотические публицисты, вроде Юрия Козенкова и Максима Калашникова. Вопрос в том, насколько характерные для этих авторов православный клерикализм, идея еврейского заговора (стоящего за всеми революциями) и даже апологию Гитлера как «спасителя Германии» можно даже условно назвать «левыми». Впрочем, как справедливо признает Шнирельман, к теории заговора прибегают «сталинисты и имперцы, тоскующие по жесткому тоталитарному строю и живущие унаследованной от СССР идеей конфронтации России и Запада». Однако, пишет Шнирельман, если советская «идея конфронтации исходила из представлений о классовой борьбе <...>, то сегодня это сменилось либо православным эсхатологическим мифом <...> либо цивилизационной доктриной», а «коммунистическая идея дает себя знать лишь в том, что врагами оказываются банкиры и олигархи»¹⁵. Таким образом, «правых» национал-патриотов, конспирологию которых затем рассматривает автор, довольно сложно отличить от «левых».

Исключительно важной кажется часть «Удерживающего», раскрывающая влияние теорий заговора на российский

14. Шнирельман В. Удерживающий. С. 176.

15. Там же. С. 196.

государственный аппарат (и особенно силовые структуры), а также связанные с ним научные и образовательные учреждения. Идея «суперзаговора» против России (которая играет роль «Удерживающего»), как показывает Шнирельман, превратилась в последние два десятилетия в язык академии и респектабельной аналитики. В этом контексте совершенно оправдан подробный разбор открыто антисемитских конспирологических текстов таких авторов, как Татьяна Грачева (заведовавшая кафедрой Военной академии) или Ольга Четверикова (до недавнего времени преподававшая в МГИМО). Очень важен также экскурс в идеологию конспирологической секты «Мертвая вода», большинство участников которой в 2000-е годы составляли действующие и бывшие сотрудники российских спецслужб.

Несмотря на то что в последние годы феномен российской конспирологии все больше привлекает внимание исследователей¹⁶, книга Шнирельмана уникальна по-настоящему энциклопедическим масштабом охвата этой сцены — вероятно, вообще сложно найти хотя бы одного значимого российского автора теории заговора, который не удостоился бы внимания в «Удерживающем». Большое значение имеет и сама концептуальная рамка книги — кажется, что огромная исследовательская работа Виктора Шнирельмана позволила ему верно выявить центральный мотив новейшей российской конспирологии: мессианскую роль авторитарного государства как «сдерживающей» силы на пути глобального заговора скрытых мировых элит.

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-152-161

16. Яблоков И. Русская культура заговоров: конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина нон-фикшн, 2020; Borenstein E. Plots Against Russia. Conspiracy and Fantasy After Socialism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019.